

ТУРЕЦКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ ТЕМИРБОЛАТА КУБАТИЕВА

Г. В. ЧОЧИЕВ

В последние десятилетия можно наблюдать рост общественного и академического интереса к изучению истории, культурного наследия и современного положения отечественного зарубежья, одним из значимых сегментов которого являются северокавказские диаспоры и эмиграции в странах Ближнего Востока, в том числе и в Турции. Очевидно, что полноценное исследование данной проблематики невозможно без привлечения доступного круга турецких, арабских и других источников. Среди них особое место занимают (в том числе в силу своей относительной немногочисленности) документы, исходящие непосредственно от членов зарубежных северокавказских сообществ, в частности сочинения мемуарного характера, представляющие индивидуальный опыт и наблюдения представителей различных по происхождению, времени эмиграции, социальному статусу и идейным ориентациям групп диаспоры. К настоящему времени в Турции издано некоторое количество воспоминаний выходцев из местной северокавказской общины – этнических адыгов, абхазцев, дагестанцев, осетин (военных, политиков, представителей интеллигенции и других слоев), хотя не меньшее число материалов данного рода, вероятно, все еще ждет выявления и публикации.

Ниже мы представляем фрагменты из мемуаров Темирболата Кубатиева, в прошлом участника «белого» движения и антисоветского подполья на Северном Кавказе, повествующие о первых годах пребывания автора в Турции, куда он эмигрировал в конце 1922 года. Турецкая рукопись данного труда, продолжающего ранее переведенные нами воспоминания Т. Кубатиева о кавказ-

ском периоде его жизни [1], была передана нам несколько лет назад сыном мемуариста Айтеком Кубатом. Публикуемый отрывок проливает свет на некоторые обстоятельства поселения в Турции в начале 20-х годов большой группы осетин, часть которых (беженцы и реэмигранты периода Первой мировой войны из тогда российской Карсской области) прибыла в страну в соответствии со специальным советско-турецким соглашением, а часть (оппозиционно настроенные к советской власти элементы) бежала нелегально, возможно, при сознательном попустительстве со стороны большевистских инстанций. Эти переселенцы в основном были размещены турецкими властями в Сарыкамышском округе Карсского вилайета – в существовавшем с конца 50-х годов XIX века осетинском микроанклаве, изначально включавшем в себя села Верхний Сарыкамыш, Бозат и Хамамлы, к которым после прибытия упомянутой группы добавилось и село Селим, ранее населенное русскими сектантами-молоканами. Помимо авторских свидетельств относительно хода первичной социально-экономической адаптации переселенцев на новой родине, в тексте можно обнаружить небезынтересные наблюдения, характеризующие этнокультурный облик сарыкамышских осетин на рассматриваемом этапе. Таким образом, публикуемый материал является по существу первым вводимым в научный оборот мемуарным источником, освещающим целый ряд недостаточно проясненных вопросов истории и социокультурного положения осетинской диаспоры в начальный период существования Турецкой Республики.

1. Кубатиев Т. Воспоминания осетинского эмигранта / Перевод с турецкого, предисловие и примечания Г. В. Чочиева. Владикавказ, 2014. 430 с.

ПОСЕЛЕНИЕ ОСЕТИН В ОКРУГЕ САРЫКАМЫШ В НАЧАЛЕ 20-х ГОДОВ XX ВЕКА (Фрагменты из воспоминаний Темирболата Кубатиева)

[В конце 1922 года] в Кызылчакчаке¹, куда мы прибыли после пересечения границы, было очень холодно. Кругом лежал снег. По приказу турецких офицеров солдаты занесли в наши вагоны дрова, керосин и хлеб. Отъехав, мы после полуночи добрались до Карса. Я еще спал, когда поезд остановился на станции. Между тем, оказывается, мой двоюродный брат² Узун-Бекир Кубатиев³ и несколько его товарищей, знавшие о прибытии осетинских переселенцев, пришли нас встречать и ожидали на холоде. Бекира я знал еще с довоенных времен, когда он приезжал на родину повидать родных. Я вышел из вагона. Вокруг Бекира уже собралась толпа наших земляков. Каждый старался протиснуться к нему и обменяться приветствиями. Немного потоптавшись у вагона в утренних сумерках, я громко произнес:

– Дайте и мне дорогу! Я тоже хочу поздороваться со своим старшим братом.

– Кто это? – удивился Бекир.

– Темирболат, – ответили ему.

Я подошел. Он узнал меня, и мы обнялись. Рядом с Бекиром находился некий Ахмед Баллаев⁴. Как оказалось, это был денежный человек. Он привез на телеге два ящика сахара и много хлеба и раздавал все это по вагонам. Сам же Бекир был тогда членом исполнительного совета Карсско-го вилайета⁵. Он сообщил нам радостную весть:

¹ Кызылчакчак (ныне Акъяка) – железнодорожная станция на турецкой стороне бывшей советско-турецкой границы.

² Дословно: «сын дяди по отцу».

³ В оригинале: Uzun Bekir Kubat (узун – по-турецки «длинный»).

⁴ В оригинале: Ballatey Ahmet.

⁵ Вилайет (губерния, провинция) – крупная административная единица в Турции, управляемая губернатором (вали).

– Дома для вас готовы. Молокане, жившие в Селиме, уехали в Россию, и это село теперь предназначено для переселенцев. Мы расселим вас там. Каждый получит молканский дом с хлевом, баней, земельным участком и всем необходимым. Завтра этот же поезд довезет вас прямо до станции в Селиме. Мы тоже туда подедем, чтобы помочь в размещении.

Ту ночь мы провели на станции в Карсе, а наутро снова двинулись в путь и вскоре доехали до селимской станции. Напротив раскинулось вытянувшееся на равнине примерно на пять километров село с домами, расположенными в ряд по обе стороны шоссе на довольно приличном расстоянии друг от друга. За селом протекала большая река. Было очень красиво, и мои спутники не скрывали своей радости.

Некоторые из переселенцев привезли с собой лошадей и телеги. Немедленно выведя из вагонов лошадей, они отправились занимать лучшие дома в село, до которого было километров шесть-семь. Оттуда к нам тоже были высланы телеги. Оказывается, незадолго до нас здесь поселили прибывших из-под Тифлиса теркеменцев-карапапахов⁶. Их разместили в нижней части села. Верхняя же была отведена нам, осетинам. В селе находились глава местной администрации и жандармы, которые и послали навстречу нам тех из карапапахов, у кого имелись волы и телеги. Мой зять Хаджимуса тоже отправился в село и разыскал там своего двоюродного брата⁷ Керим-бея Хосонова⁸, который недавно покинул свое собственное село Бозат, перебрался вместе

⁶ Карапапахы, или теркеменцы (турецк. *терекеме*) – этнографическая группа азербайджанцев, проживающая в Азербайджане, Грузии, Турции и Иране.

⁷ Дословно: «сына дяди по отцу».

⁸ В оригинале: Hosontey Kerim Bey.

с семьей в Селим и занял там какой-то молоканский дом. Вскоре зять вернулся на воловьей повозке с каким-то карапахским юношей.

– Погрузи свои вещи на эту повозку и езжай в село, – велел он мне. – Этот парень знает дом Керима. Пока остановимся у него. Разгрузишь повозку и отправишь ее обратно сюда. Может быть, к тому времени я раздобуду еще одну, и мы тоже скоро подъедем.

Грузить на телегу мне особенно было нечего. Имелись лишь бидоны с керосином купленным в Баку. Они-то только и поместились в телеге.

Наконец, мы добрались до села и подъехали к дому Керим-бея. Он встретил меня очень радушно.

– Так ты шурин нашего Хаджимусы? Добро пожаловать, проходи, – приветствовал он меня.

Отправив повозку обратно на станцию, я стал устраиваться. Внутри дома горела печка, и мы сели около нее. На печке стоял чайник с заваренным чаем.

– Вы замерзли, – сказал Керим-бей и налил мне чай.

Через какое-то время он повторил:

– Мне кажется, вы замерзли не на шутку. Араку выпьете?

Я внимательно посмотрел на него. Он был гораздо старше меня.

– Нет, я не пью, – ответил я.

– Пьешь, пьешь! – сказал он. – Ты же осетинский парень с Кавказа. Но даже если и вправду не пьешь, сейчас тебе необходимо выпить хотя бы рюмку как лекарство.

Вскочив с места, он достал из шкафа бутылку с аракой, а затем принес кусок сыра, приговаривая:

– Возможно, мы даже родственники. Моя мать – племянница Кантемировых¹, из дигорцев.

– А у меня бабушка с материнской стороны была племянницей Кантемировых, – ответил я.

– Так значит мы с тобой родня по материнской линии! – воскликнул Керим-бей и обнял меня. – Отныне мы не чужие друг другу.

С этими словами он налил араку, и мы с удовольствием пропустили, беседуя, несколько рюмок. Тем временем подошел и Хаджимуса, сумевший раздобыть еще две телеги, на которые было погружено все остальное имущество. Так мы стали гостями Керим-бея. Другие же переселенцы расселились по пустым молоканским домам. Стихийно, никого ни о чем не спрашивая.

Ночь мы провели в разговорах. Выбрав удобный момент, я спросил Керим-бея:

– А что, керосин здесь в цене? Как вы видели, я привез немного с собой.

– Да, с керосином у нас большие трудности, – подтвердил он.

Мы тогда еще в глаза не видели турецких денег и не знали их стоимости. Керим-бей назвал цену одной окки² керосина и сказал, что по сравнению с ней пшеница здесь стоит очень дешево.

– Не беспокойся, – добавил он. – Завтра из сел приедут мои знакомые курды, и я обменяю твой керосин на их пшеницу с большой выгодой для тебя.

Я ответил:

– Керим-бей, наше положение вы видите. Мы не похожи на остальных переселенцев, приехавших вместе с нами. Все они еще до приезда сюда имели какой-то опыт в торговле. Они смогли продать там свое имущество и перевести его в деньги, а непроданное привезли сюда. Все они достаточно состоятельны. Кроме того, они прибыли в свою бывшую страну, знают турецкий. Одним словом, никто из них не пропадет. Наша же семья оказалась в бедственном положении. Не знаю, известно ли вам о том, как мы были ограблены большевиками. Оставшись без крыши над головой и самого необходимого имущества, я три года участвовал добровольцем в гражданской войне и затем еще полтора года ски-

¹ В оригинале: Kandemirler.

² Окка – мера веса, равная 1,283 кг.

тался по лесам. Теперь же голодранцем бежал сюда вместе с матерью и младшим братом ради спасения наших жизней. Здесь мы на первых порах должны жить очень экономно. Поэтому я бы предпочел вместо пшеницы обменять керосин на ячмень. Его будет больше.

Керим-бей рассмеялся:

– Темирболат, о чем ты говоришь? Ты собираешься есть ячмень? Не бывать тому! Ей-богу, ты будешь есть здесь белый хлеб.

На следующий день Керим-бей зарезал в нашу честь барана. Пока мы готовились к пиршеству, к воротам на нескольких санных, запряженных каждая парой лошадей, подъехала группа молодежи – три или четыре девушки и шесть или семь парней в черкесках. Мне стало любопытно, кто это. Оказалось, что сыновья и дочери младшего брата нашего зятя Хаджимусы и другие его родственники из села Бозат. Разумеется, они знали о нашем приезде. Кроме того, поскольку наш зять женился на моей сестре Рахимат на Кавказе, они хотели забрать Хаджимусу и свою новую невестку в отцовский дом. Так что зарезанный Керим-беем баран пришелся очень кстати и выполнил роль жертвенного животного, зарезанного в честь новой невестки. После того, как мы поели и немного поговорили, самый старший из приехавших молодых людей – Ислам-бей Хосонов¹ – обратился ко мне:

– Темирболат-бей, позвольте мне рассказать вам о поручении, которое на меня возложено. Нас прислал сюда старший брат Хаджимусы – Гази-бей. Сейчас мы должны увезти домой нашего брата вместе с нашей невесткой. Но Гази-бей поручил передать вам привет и просил, чтобы вы тоже поехали с нами и перезимовали у нас. Мы слышали о вашем положении и не хотим, чтобы вы испытывали здесь какие-либо трудности. Мы готовы разделить с вами наш кусок хлеба и искренне просим вас согласиться.

¹ В оригинале: Hoson.

Я выразил благодарность Ислам-бею и Гази-бею, но сказал, что не смогу этого сделать:

– Я приехал вместе с группой. Скоро нам всем раздадут дома, и будет лучше, если мы дождемся этого и поселимся здесь. За три года бездомной жизни на Кавказе мы немало натерпелись и хотим поскорее обзавестись собственной крышей над головой.

– Но это не препятствие для того, чтобы погостить у нас, – возразил Ислам-бей. – Дом и землю здесь, в Селиме, вам непременно дадут. В любом случае мы добьемся соблюдения ваших прав. И вы в любое время зимой или весной сможете вернуться сюда и поселиться в своем доме.

Я вновь ответил отказом, сославшись на то, что обещал приехавшим со мной товарищам не отделяться от них. Несмотря на настойчивые уговоры Ислам-бея и его спутников, я не согласился поехать с ними. В конце концов они погрузили вещи Хаджимусы на сани, усадили на них его и мою сестру Рахимат и уехали в Бозат. Мы же остались в Селиме, в доме Керим-бея.

На следующий день из Карса приехала комиссия. В ее составе находились мой двоюродный брат Узун Бекир, являвшийся, как я уже сказал, членом исполнительного совета вилайета, какой-то человек по имени Тахир, жандармский старшина Фетхи-бей из Сарыкамыша и глава администрации нахийе². Они должны были распределить между нами молуканские дома и поселить нас в них. Однако из-за того, что прибывшие в село раньше других переселенцы уже заняли приглянувшиеся им дома, среди них начались ссоры. Каждый хотел для себя жилье получше. Я ни во что не вмешивался и был готов принять любой выбор, тем более что ни один из домов нельзя было назвать плохим. В конце концов комиссия решила бросить жребий. Был составлен список прибывших семей и

² Нахийе (волость, район) – самая мелкая административная единица в Турции.

проведена жеребьевка. Вскоре я узнал, что мне достался дом пожилого молоканина по прозвищу «Дедушка»¹. Он находился в самом конце села, обращенном к Сарыкамышу. От дома Керим-бея до него было три километра.

– Давай, сходим туда. Увидишь свой красивый дом, – предложил Керим-бей.

Мы сходили. Дом и вправду был хорош. Собственно, планировка всех домов была почти одинакова. По обе стороны от широкой улицы тянулись два небольших арыка с бегущей по ним чистой водой. Позади арыков в ряд были выстроены дома с двориками. Из каждого двора по аккуратному каменному мостику можно было перейти через арык. Сами дома располагались на расстоянии четырех метров от арыков и имели фундамент высотой в полтора метра. Каждый дом был оснащен кладовыми и балконом. Между домами и арыками были разбиты цветники. Во внутренней части дворов находились просторные конюшни и хлева, а также бани и колодцы. Одним словом, для бездомного человека вроде меня все это было настоящим подарком. Кроме того, за каждым домом имелось ровное поле площадью в пятнадцать дёнюмов². За полями текла довольно полноводная речка. На противоположном конце села вплоть до железной дороги тянулись широкие поля и луга, которые весной должны были быть переданы нам.

Пошел 1923 год. Все расселились по полученным домам, раздобыли печки, запаслись дровами и стали топить свое жилье.

Керим-бей продал мой керосин каким-то курдам. Они увезли его, но обещанной пшеницы все не было. Они все собирались «на днях» ее привезти, но из-за обильного снегопада сельские дороги были закрыты, и надо было чуть-чуть подождать. Один из бидонов мы опорожнили, приделали к нему трубу и топили как печь. Из оставшегося у нас полмешка муки мать

¹ В оригинале по-русски: Deduşka.

² Дёнюм – старинная турецкая мера площади, равная приблизительно 1000 кв. м.

пекла на ней небольшие лепешки. Так мы прожили какое-то время. Наконец, мука закончилась, а дороги, о которых говорил Керим-Бей, никак не открывались. Когда я сказал ему, что у нас больше нет муки, он пристыдил меня:

– Что значит закончилась мука?! Разве мой дом не твой дом? Возьмешь муку у нас.

Я понял, что меня надули. Этот Керим-бей оказался очень щедрым и хлебосольным человеком, но при этом отъявленным лжецом и аферистом. Уверяя меня в том, что я буду есть белый хлеб, он вынудил меня выпрашивать у него ячменный.

«Терпи, Темирболат, видать, ты еще не всего натерпелся в этой жизни», – говорил я себе. Керим-бей присвоил и проел мой керосин и время от времени выдавал небольшие порции ячменной муки, за которыми мне приходилось ходить за три километра по шоссе. Из проживавших в селе земляков ко мне все относились хорошо, но они были для меня чужими. Поэтому я навещал регулярно только задолжавшего мне Керим-бея. При каждом моем визите он потчевал меня досужими разговорами и отправлял в обратный путь с красивыми напутствиями.

Не раз я бывал также в доме Хаджимусы Мамсурова³, моего старого товарища. Его мать Хатидже и отец Темир-бей были очень хорошими людьми и всегда оказывали мне радушный прием.

Кроме того, ни одно торжественное мероприятие в селе не обходилось без моего участия. Развлечения устраивались довольно часто, и меня обязательно на них приглашали, словно без меня они не состоялись бы. Дома нам порой не хватало даже черствого хлеба, но одевался я весьма щегольски. На мне бывал наш национальный костюм – вошедшая тогда в моду у осетинской молодежи закрытая на груди черная черкеска-бичераховка, кинжал со слегка загнутым кверху концом, черные сапоги и невысокая, золотистого цвета папаха-бу-

³ В оригинале: Mamşirati.

харка. Одним словом, одет я был шикарно, чем привлекал к себе внимание окружающих, особенно приезжих из других сел. Видимо, мои походка и манеры тоже отличались определенным изяществом, коль скоро люди частенько спрашивали обо мне: «Кто это?» Но моя гордость не позволила мне дать хотя бы кому-нибудь знать, что мы живем впроголодь.

Между тем в Бозате и Хамамлы проживало множество наших родственников, но ни один из них ни разу не пришел к нам и не спросил: «Эй, послушайте! Вы прибыли сюда после стольких лишений и невзгод. Что вы едите? Как выживаете на новом месте?» А ведь когда они в 1914 году бежали к нам, мой отец прямо у ворот нашего дома погружал на их телеги в зависимости от сезона кому мешки с кукурузой, кому сено, несмотря на то, что они смогли захватить с собой все свое имущество. Писать сейчас об этом совсем не трудно. Но тогда мне пришлось пережить тяжелые испытания. Мы мечтали лишь о том, чтобы скорее закончилась зима и наступило лето. Тогда я, возможно, смог бы раздобыть какие-нибудь съедобные дикие растения – ведь у меня имелся в этом некоторый опыт, приобретенный во время моей лесной жизни на родине.

Прошла половина зимы. Как-то из Бозата пришла весть, что умер Мустафа-бей Хосонов¹. Вся осетинская часть Селима отправилась туда выражать соболезнование. После похорон нас не отпустили, распределили по домам и оставили ночевать в Бозате. Я достался старшему брату нашего зятя Хаджимусы Гази-бею. В прошлые свои приезды в это село я останавливался у Ислам-бея и хотел так же поступить и на этот раз, но Гази-бей сказал «Это невозможно» и забрал меня к себе. Мы поужинали и стали говорить за чашкой чая. Во время беседы Гази-бей сказал:

– Темирболат, с Божьей помощью вы приехали сюда, вырвались из рук тиранов.

¹ В оригинале: Hosonlardan.

Да спасет Аллах и других находящихся в таком же положении.

– Аминь, – сказал я.

Он продолжил:

– Каковы теперь твои намерения? Чем собираешься заняться?

Я ответил:

– Гази-бей, я этого пока сам не знаю и никакого решения не принял. Постоянно думаю, но ничего не могу придумать, потому что оказался в таком тупике, из которого нет пути ни вперед, ни в сторону, ни назад. Я в растерянности. В этой стране я ничего и никого не знаю, не владею языком. У меня нет денег, чтобы заняться торговлей. Да и как ею заниматься без языка? Нет у меня и какого-либо ремесла. Мне остается лишь работа землепашца. Весной должны дать землю, и я не боюсь тяжелой работы. Но у меня нет ни волов, ни лошади, ни семян. Чем я буду обрабатывать землю? Когда я обо всем этом думаю, начинаю жалеть о своем приезде.

– Все правильно, – сказал Гази-бей.

– Только не надо отчаиваться. С Божьей помощью жизнь наладится. Раз ты готов к трудностям, бояться нечего. И в самом деле здесь больше нечем заняться, кроме земледелия. Все мы им и живем. Селим – отличное место, если есть желание трудиться. Посмотри, как хорошо жили молокане. Потому что и земли у них было вдоволь, и сами были трудолюбивы. Ни о чем не беспокойся. Вам прежде всего надо будет сеять ячмень. В Селиме весна наступает раньше, чем у нас. Здесь еще лежит снег, а там уже начинают пахать землю. О семенах не переживай, поделим наши. Есть у нас и быки. Как только в Селиме начнется пахота, заберешь их и вспашешь за несколько дней свою землю.

От этих слов Гази-бея у меня вырвался вздох облегчения. Я от всей души поблагодарил его за неожиданное предложение. В ту ночь я не смог от радости сомкнуть глаз и несколько раз молил Аллаха об упокоении души человека, из-за которого я сюда приехал. Вернувшись на следующее утро

в Селим, я сразу же обрадовал этой новостью мать.

Между тем еще одной серьезной проблемой было одиночество нашей матери. Всякий раз, когда я куда-нибудь уезжал – в Бозат, Хамамлы, Сарыкамьш или Карс, – мой брат Алихан, как назло, тоже находил повод отлучиться из дома. Поскольку дом наш располагался на окраине села, не было у нас и близких соседей. Я знал, что, когда мать остается одна, она начинает плакать. Разумеется, кое-кто это случайно видел, и вскоре чуть ли не все село стало выражать свою жалость: «Мать Темирболата, бедняжка, плачет в одиночестве». Родственники и друзья стали все чаще говорить мне: «Мать твоя страдает в одиночестве. Это грех. Надо тебе жениться». Но как жениться, если я с трудом добывал кусок хлеба? Если бы обстоятельства позволяли мне завести семью, я сделал бы это еще на Кавказе. В то время в Селиме и Бозате было много незамужних девушек. Молодежь часто собиралась, чтобы развлечься и потанцевать наши национальные танцы. Поэтому я знал всех девушек. С некоторыми из них мы даже вместе приехали с Кавказа. Но повторю: из-за нашего тогдашнего положения мне и в голову не приходило жениться. Тем не менее я исправно посещал все вечеринки. Нередко к жителям Селима приезжали погостить парни и девушки из Бозата и в честь них и их родственников устраивались собрания с танцами (*хъазт*¹). В таких случаях к нам в дом в полночь могла приехать делегация и чуть ли не силой забрать меня. Если вдруг Алихана не оказывалось дома, то, чтобы моя мать не оставалась одна, они сами приводили какую-нибудь соседскую женщину или девочку и уводили меня. Словно без меня их веселье было бы не полным.

Наконец, до меня стали доходить слухи, якобы чуть ли не большинство сельских девушек влюблены в меня. Если же серьезно, то дело обстояло так. Младший брат нашего Бекир-бея Кубатиева Эмирхан был

сам влюблен в дочь Темир-бея Мамсурова и потому часто навещался из Хамамлы в Селим и гостил у нас. Одновременно он общался в Селиме со своей родственницей, тоже молодой девушкой, и часто бывал в доме, где она жила. Как-то, откровенничая, она в шуточной форме обмолвилась Эмирхану, что я ей нравлюсь. На следующий же день при встрече Эмирхан поведал мне об этом:

– Послушай, хоть она и сказала это как бы в шутку, но я думаю, что дело гораздо серьезнее. Давай-ка, посватайся к ней. Женисься и заодно мать свою избавишь от одиночества.

Я лишь посмеялся. Эмирхан, однако, стал расхваливать девушку, говоря, какая она хорошая хозяйка и как облегчит положение моей матери. Я пропустил эти слова мимо ушей, но, когда мы добрались до нашего дома, он в моем присутствии рассказал обо всем и моей матери, все так же превознося достоинства девушки. Естественно, матери только этого и хотелось слышать. Словно забыв о нашем положении, она начала благодарить Эмирхана и умолять его устроить это дело, говоря, что никогда не забудет такого добра. Тот рьяно принял за дело. Не получив моего разрешения, он по просьбе моей матери встретился с девушкой и уже серьезно поговорил с ней на эту тему. Ответ девушки был таков: «В последнее время ко мне сватались трое. Ни один из женихов мне не понравился, и я всем отказала. Но отец все же хочет выдать меня за одного из них. Меня принуждают к этому, потому что это состоятельный человек. Но мне не нужно его богатство. Я готова скорее голодать в доме Темирболата, и, если Темирболат вправду хочет жениться на мне, немедленно приступайте к действиям. Потому что отец мой человек своенравный и может в любой момент дать им согласие. Они постоянно присылают к нам своих людей». Когда Эмирхан сообщил мне об этом, я сказал:

– Оставь ты это! Я вовсе не люблю ее и не мечтаю на ней жениться. Все это ты сам

¹ *Хъазт* (осет.) – танцы. В оригинале: *kast*.

придумал. Кроме того, я не хочу ввязываться в такие спорные дела. А если бы положение позволяло мне жениться, то кругом полно девушек.

Но Эмирхан на этом не успокоился и настроил на меня мою мать. Она начала то и дело повторять:

– Я больше не в силах сидеть в одиночестве, как черт. Я покончу с собой. В один прекрасный день придешь домой и застанешь мой труп.

В итоге мне пришлось уступить их давлению и неохотно выдать из себя согласие. Эмирхан тут же побежал к отцу девушки и рассказал ему обо всем. Его ответ был краток. Он заявил, что, если бы мы обратились к нему хотя бы несколькими днями раньше, у него не было бы никаких возражений, однако вчера он дал согласие другим сватам и не может нарушить свое слово. Извинившись, он предложил нам поискать счастья в другом месте. Эмирхан был страшно расстроен.

– Стоило ли все это затевать? – укоризненно сказал ему я.

Однако сама девушка ничего не знала о происшедшем и, когда Эмирхан рассказал ей об ответе ее отца, решительно запротестовала:

– Не бывать этому! Как мог мой отец дать кому-то слово без моего согласия?! Не отступайте! Я ни за что не соглашусь с ними.

Услышав это, я ничего не сказал. В тот день Эмирхану пришлось уехать домой. А спустя три дня представители жениха, среди которых были авторитетнейшие в прямом смысле люди края, вдруг приехали в село с намерением обручить девушку. Но она им решительно отказала, одновременно тайком через кого-то передав мне, что продолжит свое сопротивление, если получит от меня твердое слово, что я женюсь на ней. Я ответил, что не собираюсь ни с кем затевать вражду, но, если сама девушка отвергнет сделанное ей предложение, а та сторона откажется от своих претензий, то позже, когда она будет свободна, я, коль

скоро об этом уже зашла речь, официально попрошу ее руки у ее отца. Если он согласится, я женюсь на ней, а нет – так нет. Как мне передали, родители и сваты всю ночь уламывали девушку, но так ничего и не добились. Под утро же она попросила сказать отцу, что, если ее отдадут против ее воли, то утром она сбежит из дома к Темирболату.

Мне стало любопытно, чем все закончилось в ту ночь. Встав утром очень рано, я прошелся по главной улице села, словно направляясь куда-то по делу. Подходя к дому девушки, я увидел, как из него вышел ее пожилой дядя и, протирая глаза, направился к своему дому. Приблизившись, я как ни в чем не бывало обратился к нему:

– Утро доброе! Откуда это вы в такую рань?

Старик был не в курсе моих дел и ответил:

– Да вот, дочка у моего брата просто божье наказание. Сватает ее хороший человек. Брат уже слово дал. Вчера приехали на обручение вместе с почетными людьми. А девчонка уперлась и не соглашается ни в какую. Просто убила нас.

– А чем дело закончилось?

– Так и не согласилась. В результате пришлось нам пока сказать нет.

– Что ж, да сопутствует вам удача, – сказал я, и мы расстались.

Однако та сторона продолжала всеми средствами добиваться руки девушки. Я же не делал ей предложения, ожидая развязки. В конце концов она потеряла надежду на меня и под давлением отца согласилась выйти замуж за того человека. На том эта история и завершилась.

Приближалась весна, но поскольку в том году выпало много снега, он все не таял. Однажды вечером к нам из Хамамлы прибыл наш Эмирхан Кубатиев. Оказалось, что из Карса ему позвонил по телефону его брат Бекир и сообщил, что их мать тяжело больна. Едва узнав об этом, Эмирхан отправился в путь пешком, потому что никакого транспорта не было. Он собирался пере-

ночевать у нас, чтобы наутро продолжить путь. Разумеется, я вызвался идти вместе с ним. Рано утром мы двинулись также пешком в дорогу и к вечеру были на месте. Вошли в дом. Старушка была очень плоха, никого не узнавала и только бредила. Нас встретили жена Бекира, его сестра Эмине и двоюродная сестра¹ Лежинка. Вскоре вернулся со службы и сам Бекир-бей. Через два дня больная скончалась. Согласно обычаю, мне следовало побыть там несколько дней. Выражать соболезнование к нам приходило очень много народа. Лишь к вечеру четвертого или пятого дня посторонние разошлись и мы остались в доме одни. К тому времени погода значительно улучшилась. Снег начал таять, местами даже появилась зеленая трава. Как-то Бекир сказал мне:

– Темирболат, давай немного прогуляемся на воздухе.

Они жили в красивом высоком особняке с огромным садом, находившемся прямо на площади перед русской церковью Карса. Мимо церкви мы направились в сторону железнодорожного вокзала. По дороге Бекир, жестикулируя, рассказывал мне о войне с армянами, о том, как после мировой войны он создал партизанский отряд под названием национальной шуры² из местных курдов и черкесов³, а также черкесов, перебравшихся сюда до войны с Кавказа, но не сумевших из-за военных действий вернуться на родину. Этот отряд под командованием Бекира вел тяжелые, упорные бои с превосходящими силами противника, пока, наконец, не присоединился к прорвавшимся из Анатолии силам Дели Халид-паши, вместе с которыми они взяли

¹ Дословно: «дочь дяди по матери».

² Шура (турецк.) – совет.

³ Здесь и далее автор употребляет термин «черкесы» в принятом на Ближнем Востоке расширительном значении, включающем в себя представителей всех северокавказских народов. В большинстве случаев он называет черкесами и своих соплеменников-осетин, как это вообще принято среди представителей осетинской диаспоры в Турции в их речи на турецком языке.

Карс⁴. Мы вышли в открытое поле и пересекли железную дорогу, а Бекир все продолжал рассказывать. Вдруг передо мной открылась картина, буквально ошеломившая меня. В открытом поле лежали горы оставленного русскими металла – стальные и чугунные листы, детали машин, просто лом. Чего там только не было? Я перестал слышать слова Бекира. Заметив мое удивление, он спросил:

– Что это с тобой?

– Неужели русские бросили здесь столько своего имущества? – спросил я.

– А что им оставалось делать? Коммунисты прикончили самого Николая. До этого ли металла им было?

Бекир расхохотался и немного погодя добавил:

– А ты разве не видел металл, что лежит в моем саду?

– Видел, – ответил я.

В саду Бекира действительно были сложены штабелями новенькие листы железа высочайшего качества длиной в десять и двадцать метров, шириной в десять, двенадцать и пятнадцать сантиметров и толщиной в полтора, два и два с половиной сантиметра. Их общий вес составлял бы порядка двухсот-трехсот тонн.

– Только не подумай, что я их туда перетащил отсюда, – сказал Бекир. – До войны там был склад. Но поскольку я занял дом, находившееся там железо тоже стало нашим. Никто ничего не посмеет сказать. Я бы продал его, да никто не даст и гроша.

Мы повернули назад. Теперь была моя очередь говорить, и я со смехом спросил Бекира:

– Брат, а ты совершенно не думаешь о том, как я живу?

– Как это? – удивился он.

– Мое положение ты знаешь, не буду о нем рассказывать. Вот-вот наступит весна. Что я буду делать? Чем буду кормиться? Ка-

⁴ Войска под командованием генерала Дели Халид-паши (черкеса по происхождению) вместе с силами местных ополченцев отбили Карс у дашнакской Армении 30 октября 1920 года.

кое занятие найду себе в этой стране? Чтобы работать, я прежде всего должен выучить турецкий, но на это потребуется немало времени. Поскольку денег у меня нет, я могу заняться только земледелием, но для этого необходимы скот, инвентарь, семена, которых у меня тоже нет. Как мне быть? Не мог бы ты указать мне какой-нибудь путь?

– Как же! Конечно! Я сам хотел с тобой поговорить об этом, но в суматохе этих дней пока не нашел времени.

Он теперь заговорил так красиво, изложил такую готовность помочь мне, что на этом фоне обещания брата моего зятя Гази-бея из Бозата просто блекли. Для начала он спросил меня:

– А у тебя самого есть желание заниматься сельским хозяйством? А главное – уверенность в своих силах?

– Я не думаю о трудностях работы, брат, и готов к самому тяжелому труду. Лишь бы это позволило мне избавиться от голода и нищеты мать и брата.

– Тогда ни о чем не беспокойся, – сказал Бекир. – Достаточно, чтобы ты смог приучить к работе нашего Эмирхана. Он лентяй и к тому же все время норовит соревноваться со мной. Если бы я пахал землю, он делал бы то же самое. Но так как я сейчас на государственной службе, он тоже мечтает стать чиновником и совсем забросил дела в селе. У нас там имеются две пары волов и несколько коров, но он ими не занимается, предпочитает сдавать их в наем, а сам шатается без гроша. Как он, интересно, думает жениться? Так вот, если сейчас вы с Эмирханом начнете вместе, как братья, трудиться, я вдобавок к тем волам, что находятся в деревне, куплю вам еще две пары, а также два плуга. Что касается семенной пшеницы и ячменя, то их я вам добуду в нужном количестве из государственных закромов. Ваша задача – посеять и в Селиме, и в Хамамлы столько хлеба, сколько сможете. Когда закончите сев, дадите немного отдыха волам, а затем запряжете в фургоны по две пары и до начала жатвы перевезете

в Эрзурум весь тот металл, что лежит в нашем саду. Заработаете кучу денег.

Я опять обрадовался. Снова передо мной забрезжила надежда на начало новой жизни и снова я мог привезти домой матери радостную весть.

Вечером дома Бекир-бей повторил свое предложение уже в присутствии Эмирхана. Тот был воодушевлен возможностью работы вместе со мной. Через два дня мы с Эмирханом покинули Карс и к вечеру добрались до Селима. Моей матери новости рассказал Эмирхан, и она вновь начала молиться и выражать благодарность. На следующий день Эмирхан вернулся к себе в Хамамлы. Еще через несколько дней в Селиме растаял снег. Я отправился в Хамамлы, чтобы подготовить со своим компаньоном волов и плуги и приступить к работе. Эмирхана дома не оказалось. Соседи сказали, что он с утра отправился в Сарыкамыш и собирался вернуться вечером. За домом на склоне лежали и грелись на солнце быки. Я подошел к ним поближе. Они были настолько худы и ослаблены, что не в силах были даже подняться на ноги. Оказалось, что Эмирхан отдал быков в аренду какому-то человеку, который всю зиму каждый день возил на санях из леса дрова в Сарыкамыш на продажу. Одна воловья упряжка дров стоила 75-100 курушей¹. Деньги они делили между собой пополам. Зато от волов к весне остались только кожа да кости.

Мне стало понятно, что от этих волов нам проку не будет. Но меня интересовало мнение Эмирхана. К вечеру появился и он. Я объяснил ему цель моего визита. Собственно, он и сам догадался. Затем я сказал, что видел его волов и что они не смогут тащить плуг. Эмирхан был со мной согласен.

– Я отдал их одному человеку, а он совсем не ухаживал за ними, только заставлял возить дрова, – попытался он оправдаться и затем продолжил: – Кстати, сегодня я

¹ Куруш – денежная единица в Турции, сотая часть лиры.

ходил в Сарыкамыш, чтобы поговорить по телефону со старшим братом. Он говорит, что сейчас в государственных закромах нет семян, но скоро они поступят, и он сразу же сообщит нам об этом.

С волами, которых для нас должен был приобрести Бекир, была такая же картина: он поручил это дело какому-то человеку, который неизвестно когда и где должен был их раздобыть. Мне стало ясно, что все это – байки Ходжи Насреддина. Правда, думаю, они обманывали не только меня, но и самих себя. Я переночевал у Эмирхана и наутро отправился в Бозат, поскольку на Хамамлы надежды больше не было. В Бозате я зашел к Гази-бею и остался у него на ночь. Мы много беседовали, и я все ждал, что он сам заговорит о данном мне слове. Но он явно не собирался этого делать, и мне пришлось напомнить ему, как он зимой обещал мне помочь, и сказать, что я, собственно, ради этого сейчас и пришел к нему.

– Ты прав, – смущенно ответил Гази-бей. – Но поверь, я тогда думал, что наши амбары заполнены. Поэтому и пообещал тебе. Вчера же заглянул в амбар и обнаружил, что ячменя осталось совсем мало. Сам не пойму, как это произошло. Видимо, нам и самим не хватает семян. Но что делать, дам вам два-три киле¹. Ей-богу, я надеялся дать больше, но не получается. Мне очень неловко перед вами.

– Ничего страшного, – сказал я ему.

Гази-бей продолжил:

– Что до волов, то вчера из Селима пришел мой племянник Хаджимирза Козырев² и забрал их для пахоты. Как только он закончит, возьми их у него и за пару дней вспашешь свое поле.

Делать было нечего. Еще три или четыре киле ячменя мне дали другие жители Бозата, и с этим я вернулся в Селим. Через несколько дней я вспахал на тех волах поле за нашим домом и стал ухаживать за посе-

¹ Киле (бушель) – старинная турецкая мера сыпучих тел, составляющая около сорока литров.

² В оригинале: Kozir.

вами. Вскоре начали появляться и первые зеленые всходы.

Как-то, идя по главной улице села, я заметил перед одним из больших зданий какое-то оживление. Я подошел ближе и заговорил с собравшимися там людьми. Разъяснить мне ситуацию вызвался Махмуд-эфенди, хорошо знавший русский язык образованный человек из карапахахских переселенцев. Он рассказал, что приехали трое бывших российских немцев и вместе с одним местным турком открывают здесь на паях завод³ по производству пакетированного сливочного масла и швейцарского сыра.

– Капитал будет от турка, а знания и работа – от немцев, – пояснил Махмуд.

На моих глазах рабочие установили в здании огромный чугунный котел. Крестьянам из окрестных сел предлагалось увеличивать поголовье коров и продавать заводу молоко, хотя сколько за него будут платить, никто не мог сказать. В хозяйствах местных черкесов и карапахов и так было, как правило, по пять-десять коров. Но моя мать была слишком стара, чтобы доить корову, поэтому нам не было смысла ее заводить. Подумав про себя, что нам от этого завода нет никакого прока, я пошел дальше.

Свободного времени у меня было предостаточно, и я почти каждый день, приодевшись, прогуливался до противоположного конца села. В селе было немало таких же праздно слоняющихся бездельников, как я, и мы обычно собирались посудачить у бакалейщика Хаджи-Деде. Должен сказать, что, выходя на улицу, я по старой привычке вышагивал с военной выправкой строевым шагом. В один из дней я точно так же прошелся до бакалейной лавки, но никого не застал там и решил дойти до дома Мамсуровых, чтобы поболтать там с Хаджимусой. Пройдя завод, я увидел скакавшего навстречу мне всадника на очень

³ В оригинале здесь и далее применительно к данному заводу по-русски: zavod.

красивом чалом иноходце. Когда он приблизился, я разглядел его. Это был человек примерно моего возраста в кавказском костюме самой последней моды. Именно его одежда привлекла мое внимание. В наших селах все носили национальный костюм. Но на нем была черкеска настоящего кавказского покроя. И сам он выглядел, как истинный кавказец. Когда мы поравнялись, я заметил, что он посмотрел на меня с таким же изумлением, как и я на него. Проехав немного, он повернул голову и еще раз взглянул на меня. Придя к Мамсуровым, я рассказал им о встреченном всаднике-кавказце. Они сказали, что тоже видели его в окно и так же были поражены его видом.

Побыв там некоторое время, я отправился назад. Подойдя к заводу, я увидел на его балконе Махмуд-эфенди, рядом с которым сидел тот самый молодой кавказец. Позднее Махмуд-эфенди рассказал мне, что юноша, едва подъехав к заводу, сразу же спросил его, указывая на меня:

- Кто этот прохожий?
- Один из недавно прибывших черкесских переселенцев, – ответил ему Махмуд.

– Мне кажется, он отличается от остальных. Если вы знаете его, то, пожалуйста, познакомьте меня с ним, – попросил юноша, на что Махмуд, естественно, согласился.

Тогда я еще не знал, что именно этому молодому человеку предстояло вскоре способствовать тому, чтобы я смог приобрести ремесло и начать самостоятельно зарабатывать свой хлеб на турецкой земле.

Так вот, проходя мимо балкона, на котором они сидели, я, как всегда, приветствовал Махмуд-эфенди. Он тоже поздоровался со мной и добавил:

- Полад-бей¹, не могли бы вы ненадолго подойти к нам?
- Разумеется, – ответил я.

Когда я подошел к ним, оба встали на

¹ Полад – сокращенная форма турецкого варианта имени Темирболат. Полная форма – Демирполад.

ноги, и Махмуд-эфенди, поочередно указав рукой на каждого из нас, сказал:

- Полад-бей и Вейис-бей, с вашего позволения я знакомлю вас друг с другом.

Мы пожали друг другу руки, после чего они предложили мне сесть. Я устроился рядом с ними. Должно быть, Махмуд уже сказал Вейис-бею, что я не владею турецким, и после краткого обмена приветствиями тот обратился ко мне на прекрасном русском языке:

- Простите, сударь, откуда вы родом?
- С Северного Кавказа, из Владикавказ, – ответил я.

– По всей видимости, вы не из тех черкесов, которые во время войны перебрались туда, а теперь вернулись обратно.

– Нет, я лишь приехал вместе с ними как беженец.

- А как ваша фамилия?
- Я из дигорских баделиатов, Кубатиев, – сказал я.

При этих моих словах Вейис подскочил на ноги и обратился к Махмуду:

– Вот видишь? Я не ошибся в моем предположении!

Пожав мою руку, он продолжил:

– Можете не рассказывать дальше о себе. Я теперь понимаю, кто вы, и мне известно, что произошло с вашей семьей. Пусть ничего подобного в вашей жизни больше не повторится. Мы тоже беженцы. Только мы прибыли из Тифлиса и, поскольку находились ближе к границе, успели, в отличие от вас, перевезти сюда свое имущество, хотя это и было нелегко. Слава Богу, наша семья сейчас неплохо устроена под Ардаханом. Там у нас имеется такой же сыроваренный заводик, как этот. У меня есть братья, и мы трудимся вместе. Рады, что спаслись из того ада. Эти немцы – наши специалисты и одновременно компаньоны. Сюда я приехал, чтобы встретиться с ними.

Хотя он был карапахом, турком, его русский язык был безукоризненным.

- Вы жили в городе? – спросил я его.
- Нет, в нашем селе. Но я окончил лицей в Тифлисе.

Действительно, то, что это был образованный и культурный человек, было видно по всем его манерам.

– Как же вам удалось выбраться живым оттуда? – поинтересовался он.

– Не спрашивайте, это длинная история, – ответил я, но все же рассказал ему кое-что о событиях своей полной превратностей жизни последних лет.

– Очень вам сочувствую, – сказал Вейис-бей. – В Грузии князей точно так же уничтожили. Мы слышали о том, что такая же участь постигла и знатные семьи Северного Кавказа, и очень переживали за них. Но что дальше? Как вам здесь нравится? Вы смогли обустроиться?

– Увы, все хуже некуда, – ответил я ему и подробно описал наше положение: – У меня нет ни имущества, ни денег. Благодаря помощи некоторых людей я засеял ячменем небольшое поле и сейчас жду урожая. Другой работы у меня нет. К тому же я не знаю ни языка, ни страны.

– Жаль, очень обидно. Владете ли вы каким-либо ремеслом или специальностью?

– Нет.

– А вы могли бы перебраться в Ардахан? Если вы приедете, я найду вам какую-нибудь работу на моем заводе, так, чтобы вам хватало на жизнь.

– Как я поеду? – ответил я. – У меня мать и младший брат. Здесь мы получили дом, землю. Там мне все это больше не дадут.

– Верно, – сказал Вейис и, подумав с секунду, сказал: – Махмуд-эфенди, позовите, пожалуйста, сюда Ивана.

Иваном звали немца, главного специалиста предприятия. Их было трое – Иван, Эммануил и Виктор. Поскольку они были из русских подданных, то хорошо говорили и по-немецки, и по-русски. Вскоре подошел Иван. Вейис-бей представил меня ему и сказал по-русски:

– Уважаемый мой Иван. Этот господин не из тех черкесских переселенцев, которых ты здесь видишь. Те с началом войны добровольно оставили свои села вокруг

Сарыкамыша и со всем своим добром и имуществом перебрались на Кавказ. До последнего времени они там жили, работали и приумножали свое состояние, а сейчас вполне зажиточными людьми вернулись на свою родину. Этот же господин из ограбленной и погубленной большевиками старинной семьи. Чтобы спасти свою жизнь, он был вынужден примкнуть к группе переселенцев и бежать сюда. И теперь находится в бедственном положении, без работы и без денег. Не могли бы мы найти ему на заводе какую-нибудь работу, которая позволила бы ему прокормить себя?

– Я знаю его. Видел, как он прогуливается здесь, и тоже заметил, что он отличается от остальных, – сказал Иван и спросил меня: – Ты знаешь какое-нибудь ремесло?

– Нет, – ответил я.

– Тогда даже не знаю, какую работу мы могли бы тебе предложить. Если что-нибудь найдется, то с радостью дадим.

Я поспешил поблагодарить его и, смеясь, сказал:

– Ей-богу, я и сам знал, что здесь не будет работы по мне, и вовсе не думал вас тревожить. Но Вейис-бей решил спросить вас и пригласил сюда. Я благодарен вам обоим за ваше желание помочь мне. Не расстраивайтесь из-за меня. Такое сейчас время. Множество подобных нам семей по всей России претерпели невероятные страдания. Вы сами знаете, сколько русских дворян, прославленных генералов и героев и их семей голодными и бездомными побирались и умирали в последние годы на улицах Стамбула. Я же все эти бедствия перенес в своем родном краю, скитаясь по горам и лесам. Но не умер. Сейчас же я свободен и могу по ночам спать без страха. Приближается лето, а я привычен питаться дикими растениями и травами. Думаю, милостивый Аллах и на этот раз укажет мне путь, чтобы не пропасть.

Они внимательно слушали меня, и, хотя я все время улыбался, было заметно, что оба жалели меня. Когда я закончил, Иван сказал:

– Послушай, парень! Под ремеслом я вовсе не имел в виду что-то особенное. К примеру, если бы ты умел немного столярничать, мы бы поручили тебе изготавливать подставки специальной формы, которые подкладываются под сыры. Мы заказывали их в селе, но там никто не справился.

– Но я не знаю даже названий столярных инструментов, не говоря уже о том, как ими пользоваться, – растерянно ответил я.

– А ты раздобудь где-нибудь эти инструменты. Пользоваться же ими научу тебя я. Это очень просто.

Вейис-бей поддержал Ивана:

– Действительно, постарайтесь достать инструменты, и Иван научит вас ремеслу. Это будет для вас подспорьем на первое время.

– Не знаю, право. В Бозате живет мой зять. Кажется, он умеет плотничать. Если у него есть инструменты, возьму у него. Только скажите мне их названия, а я запишу.

– Их всего четыре или пять. Я буду говорить по-русски, а ты пиши, – сказал Иван.

Я достал из кармана записную книжку и под диктовку Ивана аккуратно написал: «Фуганок, рубанок, пила, топор, долото»¹.

– Завтра же схожу в Бозат и постараюсь найти их там, – сказал я.

Уже вечерело. Вейис-бею утром надо было возвращаться в Ардахан. Мы попрощались, довольные нашим знакомством.

На следующий день я отправился в Бозат. Немного побеседовав с зятем, я вытащил из кармана свою книжку и спросил его:

– У вас имеются эти инструменты?

– Да. А зачем они тебе?

– Собираюсь стать столяром.

– Ого! – воскликнул Хаджимуса и расхохотался.

Естественно, я тоже не удержался от смеха и рассказал ему о вчерашнем случае.

– Получится, так получится. А нет – верну ваши инструменты в целости и сохранности, – добавил я.

– Мне не жалко. Надеюсь, справишься с Божьей помощью, – сказал он.

На следующее утро, забрав инструменты, я вернулся в Селим и отправился напрямиком на завод. Увидев инструменты, Иван похвалил меня и повел в какое-то складское помещение за заводом, где с одной стороны был оборудован самодельный верстак, а с другой сложены штабелями доски. Быстрым движением положив одну доску на верстак, он сказал:

– Внимательно смотри, что я делаю. Потом повторишь сам.

На моих глазах он за считанные минуты соорудил из доски великолепную подставку для швейцарского сыра.

– А теперь давай ты. Поглядим, что получится.

Я засмеялся.

– Не бойся, справишься, – сказал он и вернулся к своей работе.

Я взял одну доску из штабеля и, стараясь повторять только что увиденные действия Ивана, распилил ее на несколько частей длиной в метр каждая. Выровняв края частей фуганком, я закрепил один из кусков гвоздями на верстаке и приложил к нему второй кусок, прибив гвоздями один его конец к краю первой доски. Однако противоположные края досок не сошлись друг с другом. Я отпорол эту доску и стал прикладывать вместо нее другие, но от этого ничего не менялось – между двумя досками сохранялся зазор. Я вновь и вновь выравнивал края досок фуганком, и с каждым разом они сходились все ближе и ближе, но полного их соединения добиться никак не удавалось. По прошествии довольно продолжительного времени пришел Иван и, увидев мои мучения, сказал со смехом:

– Если твой фуганок будет ходить по дереву на своем собственном весе, то в начале доски его нос будет задирается, а в конце опускаться вниз. В результате ты будешь слишком сильно обстругивать края

¹ В оригинале по-русски: Fugan, Rubanka, Pila, Tapor, Doloto.

дощечек, и они у тебя никогда не сойдутся.

Он стал терпеливо объяснять и показывать мне, как следует пользоваться инструментами. Наконец, он произнес:

– Ты порядком устал. Пойдем обедать. Заодно и отдохнешь.

После обеда я вернулся к верстаку. Мои доски по-прежнему были далеки от тех, что делал Иван, но по сравнению с утренними стали ровнее. Иван продолжал наблюдать за мной и время от времени давал советы.

На следующий день я отправился на завод рано утром и принялся за работу. Немного погода подошел и Иван.

– Почему ты не пришел завтракать? – спросил он. – Не увидев тебя, я подумал, уж не бросил ли ты эту работу.

– Если и дальше так пойдет, то, наверное, и в самом деле брошу: только извожу ваши доски и ничего при этом не произвожу.

Иван рассмеялся:

– Чтобы стать столяром, надо настрогать много стружек. Не переживай! Лес близко, и пять или десять испорченных досок нас не разорят. А как тебе еще набираться опыта? Сразу мастерами не становятся. Кто не ошибается, тот и не учится. Смотри, не вздумай бросать это дело. А я буду помогать.

Иван вытащил из штабеля очередную доску, положил ее на верстак и сказал:

– Ну-ка, распили!

Я начал пилить, но срез получался неровный.

– Не дави на пилу вниз, только толкай ее вперед, а затем тяни назад.

Совет возымел действие, и я стал пилить ровнее. Весь тот день Иван занимался только мной. К вечеру я наконец изготовил кривую подставку для сыра.

– Неплохо. Вторая будет лучше, – подбодрил Иван.

И действительно, каждая моя следующая подставка выходила лучше предыдущей. В конце третьего дня Иван сказал:

– Отлично! Я же говорил тебе! У тебя получилось!

– Поясок кривоватый, – заметил я.

– Ничего, и это исправится. Никто еще не становился мастером за три дня. Немножко потерпи. На данный момент ты заработал 30 курушей. Начиная с этой последней подставки и за каждую сделанную тобой следующую ты будешь получать по 30 курушей. Делай их столько, сколько сможешь. Кроме того, ты будешь здесь завтракать, обедать и ужинать вместе с нами. Согласен?

– Если вы согласны, то я давно согласен, – не скрывая радости, ответил я.

Иван сделал мне еще одно предложение:

– Зарплату можешь получать как деньгами, так и, если пожелаешь, продуктами – маслом, сыром и мукой. Так тебе будет даже выгоднее.

Это меня полностью устраивало. Ведь цель моя тогда состояла не в том, чтобы разбогатеть, а в том, чтобы обеспечить себя хлебом насущным. Домой в тот день я возвращался на седьмом небе от счастья.

С каждым днем работа удавалась мне все лучше и лучше. Первоначально я изготавливал в день по две подставки и получал за них 60 курушей. Но уже через несколько дней я начал делать по три, к тому же лучшего качества. Увидев это, Иван сказал:

– Отныне будем платить тебе по 35 курушей за штуку.

Когда число производимых мной в день изделий дошло до четырех, плата поднялась до 40 курушей. Наконец, я довел свою дневную норму до семи и стал получать по 45 курушей за каждую.

– Теперь ты стал мастером, – сказал мне в тот день Иван.

Таким образом, мой дневной заработок составлял 315 курушей, и я вскоре превратился в одного из самых обеспеченных жителей села. В доме у нас теперь всегда было вдоволь хлеба, масла, сыра, сахара, меда, чая и других важнейших продуктов. Я мог не задумываясь пригласить к себе гостей и угостить их. С немцами же мы стали дружны, как братья. Я с удовольствием работал вместе с ними.

Наступило время сенокоса. Я на несколько дней оставил работу, и вместе с Алиханом мы скосили траву на нашем лугу. Затем, попросив у соседей арбу и быков, мы отвезли сено на продажу. После этого я опять вернулся на завод.

Теперь я считался столяром. У меня был друг Исмаил Бзаров¹. Он был и столяром, и кузнецом. Вместе с одним карапапом, черкесом по имени Бита и еще одним человеком, имя которого я забыл, они вчетвером открыли мастерскую по ремонту тележных колес. От крестьян со всей округи у них не было отбоя. Заказов было так много, что они перестали с ними справляться. Ремонтить металлические детали они как-то успевали, поскольку этим занимались три человека. А вот работы по дереву мог выполнять один Исмаил и, конечно, не управлялся с ними. Увидев, что я сносно освоил столярное мастерство, они начали ходить за мной и просить оставить мою работу и присоединиться к ним в качестве компаньона, утверждая, что с ними я буду зарабатывать больше, чем на заводе. Но я не соглашался, говоря, что не могу предать тех, кто научил меня этому ремеслу.

– Да брось ты этих гяуров! С нами тебе будет гораздо лучше. Думай о своей выгоде, – настаивали они.

Я на это отвечал:

– Важно не то, гяуры они или нет, а то, какие они люди. Пока я здесь голодал, ни один из наших земляков-мусульман не пришел и не поинтересовался, как я живу, что ем и каково мое положение. Эти же гяуры проявили по отношению ко мне подлинно человеческое сострадание и оказали огромную поддержку. Поэтому я буду работать с ними.

Между тем наступила осень. Коровы давали все меньше и меньше молока, и наш завод приостановил производство. Разумеется, и у меня там больше не было дела, и

я поневоле прекратил работать. Узнав об этом, мои приятели-колесники тут же явились к нам в дом и потребовали, чтобы я присоединился к ним.

– Я не умею делать колеса. Все мое столярное искусство сводится к изготовлению подставок для сыра, – возразил я.

Но товарищи успокоили меня:

– Та работа, которую тебе придется у нас выполнять, легче изготовления подставок. Мы не делаем новых колес, потому что в здешних краях не сыскать твердых пород дерева. Мы лишь ремонтируем сломанные колеса, причем материал для этого добывают сами заказчики. Обычно нам приносят какое-нибудь старое тележное колесо. Мы снимаем с него обод, вытаскиваем спицы и вставляем их в то колесо, которое надо починить. Точно так же и железные части – то, что слишком велико, мы обрезаем, а к тому, что маловато, прибавляем кусок нужной длины. Только и всего.

– Ладно, попробую, – сказал я. – Если получится, хорошо. А если нет, то оставлю.

На следующий день я пришел в их мастерскую. Мне указали на большую повозку, на переднем колесе которой было сломано несколько спиц. Я вытащил эти сломанные спицы. Затем извлек целые спицы из какого-то сломанного колеса, укоротил их по длине спиц первого колеса и закрепил их в нем. Колесо было готово, а я мог отныне называться колесником. Работа пошла. Я старался, и с каждым днем мое мастерство совершенствовалось, а уверенность в своих силах росла. Вскоре я стал знаменит и, конечно, испытывал гордость от этого. Зарабатывали мы и в самом деле неплохо. К нам приходили люди из самых отдаленных селений. Однако когда наступила зима, телеги и повозки уступили место саням. Это означало и конец нашего колесного дела. Я вновь стал думать о том, чем заняться дальше.

Перевод с турецкого и примечания

Г. В. Чочиева

¹ В оригинале: Bizar'lardan.